

Гаэтано Моска

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА И ПРИЧИНЫ, КОТОРЫЕ ПРЕПЯТСТВОВАЛИ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ¹

I. Доктрина «политического класса» возникла около века назад. II. Внешние причины, которые в последние десятилетия препятствовали ее развитию. III. Внутренние причины ее недостаточной распространенности и указание на способы устранить их.

I. Доктрина, утверждающая, что во всех человеческих обществах, достигших определенной степени развитости и культуры, политическое руководство в самом широком смысле слова, что подразумевает его административный, военный, религиозный, экономический и моральный аспекты, осуществляется особым классом, то есть организованным меньшинством, намного более стара, чем это принято считать, в том числе и некоторыми из числа ее сторонников.

Поэтому, если не принимать в расчет, что факты, на которых основаны ее главные принципы, настолько очевидны и доступны всем, что не могут укрыться даже от обыденного наблюдения – особенно, если освободиться от предубеждений теоретического характера – и что прозрачные намеки на нее и более или менее ясные догадки в ее духе можно обнаружить даже у некоторых политических авторов, даже довольно отдаленных от нас во времени, как, например, у Макиавелли², то станет ясно, что теория в ее существенных чертах уже более ста лет назад была достаточно точно и отчетливо намечена в сочинениях Сен-Симона.

Действительно, этот автор, чья оригинальность еще не вполне признана, изучая моральные и политические основы средневекового общества и сравнивая их с моральными и политическими основами общества девятнадцатого века, утверждал, что в первых преобладали военные и теологические начала, и поэтому на вершине политической пирамиды находились священники и военные вожди, в то время как во втором обществе наиболее важные и существенные для социальной жизни функции были отведены ученым и индустриалам и, следовательно, политическое руководство было доверено тем, кто обладал способностями развивать науку и управлять производством. Этим он не только установил безусловную необходимость существования правящего класса, но провозгласил с ясностью, что этот класс должен обладать всеми теми качествами и склонностями, которые в данную эпоху и при данном типе цивилизации наиболее необходимы для управления обществом³.

---

¹ Опубликовано в: Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 157-166.

² Он утверждает, что «в любом городе, управляемом каким-либо образом, число персон, располагающих властью, не превышает сорока или пятидесяти человек» («Речи», глава XVI).

³ Смотри Олиндо Родригеса, «Сен-Симон и его первые сочинения», Paris, Librairie Saint-Simonienne, 1832. Том включает в себя три главных сочинения Сен-Симона, то есть «Письма обитателю Женевы», его «Политическую параболу» и «Новое христианство». Также смотри «Труды Сен-Симона и Анфантена», Париж, 1865. В этом большом собрании сочинений, которое включает в себя 47 томов, произведения Сен-Симона опубликованы в XV, XVI, XVIII, XIX, XXI, XXIII, XXXVII, XXXIX томах. Воззрения, на которые мы указали в тексте, составляют главные положения теории Сен-Симона и присутствуют во всех его сочинениях. Мы полагаем, излишне напоминать, что сен-симонизм, который развился и распространился после смерти Сен-Симона, значительно отделился от идей давшего ему имя мэтра. В этом отношении интересна книга Поля Жане, «Сен-Симон и сен-симонизм», Париж, 1878.

Интеллектуальные флюиды Сен-Симона воздействовали на его ученика Огюста Конта⁴, который в своей «Системе позитивной политики, или социологии», опубликованной в середине девятнадцатого века, видоизменил некоторые из основополагающих идей своего старого учителя, утверждая, что управление обществом должно принадлежать научной аристократии, которую он назвал священством науки, и полагая, что этот строй будет необходимым атрибутом позитивной стадии развития, в который человеческий ум вступил в прошлом веке, в противоположность теологической стадии, господствовавшей в классической античности, и метафизической, господствовавшей в средние века⁵. Примерно двадцать лет спустя, вскоре после 1870 года, Ипполит Тэн довольно убедительно объяснил главные причины великой Французской революции необходимостью замещения старого правящего класса новым в связи с тем, что прежние методы правления были потеряны старым правящим классом, а те, что соответствовали новым временам, им не могли быть усвоены; незадолго до того, Маркс и Энгельс сформулировали теорию, согласно которой государства прошлого, а также государство в современном буржуазном обществе, были представителями классов, владеющих средствами производства. Эта доктрина, апеллирующая к завершению общественного развития, что должно фатально привести к коллективизму, исходит, в свою очередь, из такой формы политического и экономического строя, при которой все общество, овладев этими средствами производства, более не будет эксплуатироваться в интересах меньшинства.

Прошло более шестидесяти лет после выхода в свет сочинений Сен-Симона, и первоначально единый источник разделился на разные, весьма отличные друг от друга потоки, когда в конце прошлого и в начале нынешнего века новая точка зрения на мир политики была провозглашена целым рядом авторов из различных стран, пришедших к ней зачастую разными путями и располагавших более или менее полным представлением друг о друге и о своих предшественниках. Если при этом, с одной стороны, представления предшественников обогащались спонтанными и оригинальными идеями, то, с другой, нередко заходили в тупик или дополняли эти представления легко опровержимыми элементами. Когда будут писать историю новой доктрины политического класса, будет несложно воздать каждому автору по его заслугам, в соответствии с тем, хороший, средний или плохой материал он внес в постройку здания, и разобраться в том, какой материал был новым, а какой уже был в употреблении.

Теперь, для краткого обзора хроники событий будет достаточным указать на вышедшую в 1881 году «Борьбу рас» Гумпловича⁶, который отметил существование в любом политическом организме двух правящих классов, одному из которых принадлежит административная и военная власть, а другому – промышленная, коммерческая и банковская, и обосновал разделение ролей между этими двумя классами и их преобладание в соответствующих сферах различием их этнического происхождения, и на то, что в конце 1883 года была опубликована наша «Теория правления», в которой, исходя из изучения скрытых сторон функционирования демократических режимов, было показано, что и для них характерна необходимость организованного меньшинства, которое осуществляет реальное и эффективное руководство государством, вопреки видимости и принципам, на которых официально оно основывается. В последующие годы были

⁴ Интеллектуальное воздействие, оказанное Сен-Симоном на Огюста Конта, хорошо раскрыто у Жоржа Дюма в книге «Психология двух мессий позитивизма», Париж, 1905.

⁵ Смотри: Конт, «Система позитивной политики», Paris, Carillon 1853.

⁶ «Основы социологии», в которых автор воспроизводит и развивает концепцию, предложенную в «Борьбе рас», вышли в 1885 году.

опубликованы первое издание «Основ политической науки» и, не говоря о других, труды Аммона, Новикова, Ренци, Парето и Михельса⁷.

Таким образом, отчасти благодаря трудам названных авторов, и, возможно, в еще большей мере, благодаря стихийной зрелости коллективного опыта, вследствие которой мысль одного поколения, если она еще не кристаллизовалась в слепом обожении заветов предков, приходит к основательности, хотя бы ненамного более глубокой, чем та, что была достигнута предшествующими поколениями, можно утверждать, что сегодня концепция необходимости правящего класса вошла, в большей или меньшей степени, в сознание всех тех, кто в наиболее цивилизованных странах Европы думает или говорит об исторических и политических явлениях. И действительно, мы, в общем и целом, связываем неудачи различных наций и катастрофы, которые им угрожают, больше с неспособностью и неэффективностью действий правящих классов, чем с невежеством масс или волей правителей. Это, согласно логике, должно было бы подвести нас к тому, чтобы объяснять успехи – если они есть – эффективными действиями этих же классов. Необходимо добавить, что распространение указанной идеи происходило параллельно с медленной эрозией оптимистической концепции человеческой природы, которая родилась в восемнадцатом веке и почти весь девятнадцатый век занимала главенствующее место в европейском менталитете. В соответствии с этой концепцией полагали, что с ликвидацией узаконенного неравенства будет возможен неограниченный моральный и интеллектуальный прогресс во всех слоях общества, который сделает всех их в равной мере способными к управлению делами всего общества. Очевидно, только это воззрение может быть моральной и интеллектуальной основой для того, что обычно подразумевают под демократией, то есть для управления государством количественным большинством членов общества.

II. После того, что мы сказали, у нас есть все основания удивляться недостаточности практических последствий, которые новая доктрина имела и имеет не только в деятельности политических институтов, но и в официальной и неофициальной науке. Поскольку даже те, кто признает существование политического класса и не отрицает его очевидность, очень часто не рассматривают соответствующий факт как неизбежный и не выводят из этого необходимых последствий а, следовательно, не пользуются указанным представлением как путеводной нитью, которой следовало бы руководствоваться в исследовании причин, подготавливающих и производящих явления, которые то подталкивают человеческое общество к процветанию и могуществу, то бросают его в бездну упадка и анархии. На самом деле, мало пользы в том, чтобы приписывать успехи или ответственность за неудачи правящему классу, если не выясняются механизмы, в функционировании которых можно найти объяснение силы и слабости этого класса. И этим мы уже указали на одну из причин практической бесплодности новой

⁷ Об основанных на идее этнического превосходства правящего класса доктринах Де Гобино и Ляпужа, мы уже писали в X параграфе первой главы этого труда. Что касается названных авторов, то Аммон опубликовал в 1893 г. «Естественный отбор у людей» (Йена, изд. Fischer), а в 1898 г. вышло в свет первое немецкое издание его «Социального порядка и его естественных основ», (Париж, изд. Thorin, 1900), в котором была всесторонне развита теория политического класса, основанная на идее естественного отбора, происходившего в высших слоях общества. По поводу других названных авторов смотри «Сознание и общественная воля» Новикова (Париж, изд. Giard et Brière, 1897); Ренци, «Древние режимы» и «Прямая демократия» (Bellinzona, 1902); Парето, «Социалистические системы» (Париж, Saint-Amand, 1902) и «Трактат по общей социологии» (Firenze, Barbera, 1916); Роберт Михельс, «Социология политической партии при современной демократии» (Togino, UTET, 1912). В этом труде, вышедшем впервые на немецком языке в 1911 г., очень аргументированно показывается, что и крупными демократическими и социалистическими партиями руководят организованные меньшинства, нередко с помощью железной дисциплины.

доктрины; причины этого, тем не менее, нужно глубоко изучать и поэтому для упрощения такого исследования разделим их на две категории: на внешние, то есть внешние по отношению к сущности и развитию самой доктрины, и внутренние, то есть связанные с ее собственными недостатками или несовершенством.

Первая и, следовало бы сказать, главная из внешних причин состоит в том, что все действующие ныне в Европе институты власти основаны на доктринах, которые либо отличны от той, которой мы занимаемся и почти чужды ей, а другие полностью противоположны ей. Действительно, представительный тип правления, почти повсеместно господствующий ныне в странах европейской цивилизации, создан отчасти в соответствии с учением Монтескье, который видел сущность и гарантии политической свободы в разделении власти на три самостоятельных ветви и, в еще большей степени, в соответствии с учением Руссо, согласно которому власть только тогда является легитимной, когда она представляет волю количественного большинства граждан и в соответствии с которым право на голосование рассматривается как данное от рождения, которое не может быть разумным и честным способом отчуждено ни у одного индивида⁸.

Сегодня демократический режим сам по себе имеет, в сопоставлении с другими, большую инертную силу, которая обуславливает необходимость того, чтобы все его естественные противники приняли его официально, если хотят в большей или меньшей степени обойти его последствия. Действительно, все те, кто по богатству, культуре, уму или хитрости располагает способностями и возможностями руководить каким-нибудь сообществом людей, другими словами, все фракции правящего класса, который некогда был создан в результате всеобщего голосования, должны были склониться перед ним; а также, нуждаясь в нем, льстить ему, если хотят принять участие в управлении государством и достичь тех постов, с помощью которых лучше защищать специфические интересы своего класса. Та дань уважения, которую эти естественные противники демократии должны были воздать ей, мешает им признать себя сторонниками теории, недвусмысленно отрицающей возможность демократического режима в его обычном понимании, и потому сложно сформироваться комплексу чувств и интересов, необходимому для того, чтобы доктрина стала активной силой, способной трансформировать институты власти, завоевав и проникнув в умы так, чтобы ощутимо изменить направленность развития общества⁹.

К этому нужно добавить то, что всякое новое мировоззрение, будь то в политике или в религии, не может достичь значительной практической эффективности до тех пор, пока в человеческом сознании предшествующее ему мировоззрение не исчерпало всю свою способность к экспансии, или, сказать точнее, до тех пор, пока еще не реализовало ту историческую программу, для которой оно возникло, и, более или менее быстро, распространилось. После того, как современная демократическая концепция возникла более полутора веков назад и очень быстро стала популярной сначала во Франции и вскоре после этого и в Западной Европе, новый правящий класс сразу же усвоил ее для того, чтобы преодолеть привилегии дворянства и священников и во многом заменить последних собой; но, как бы ни были быстры успехи названной доктрины, в конце девятнадцатого века она еще не исполнила свою миссию, а в странах Восточной Европы ее влияние стало ощутимым совсем недавно.

---

⁸ Все, что здесь написано, исходило из политических условий накануне 1921г., которые, как известно, теперь сильно изменились. [Примечание к третьему изданию].

⁹ Михельс уже отмечал то необходимое уважение, с которым консервативные партии в странах с парламентским строем должны были относиться к демократическим доктринам (см. цитируемое сочинение, и, прежде всего, статью этого автора «Демократия и железный закон олигархии» в «Rassegna contemporanea» («Современное обозрение», год III, № 5).

Поэтому, когда Сен-Симон более ста лет назад думал, что демократические доктрины решили свои задачи, и в открытом письме Людовику XVIII советовал ему «не беспокоиться по поводу догмы о мнимом народном суверенитете, которая, по его мнению, отнюдь не была альтернативой, выдвинутой легистами и метафизиками, догме о божественном праве, а была лишь абстракцией, вызванной другой абстракцией, и обе догмы представляли остатки теперь уже преодоленной борьбы»¹⁰, он допустил, очевидно, грубый анахронизм, и забыл или не знал, с какой приводящей в отчаяние медлительностью – в сопоставлении с быстротой краткой человеческой жизни – обычно развивается история.

Впрочем, божественное право, которое, как полагал Сен-Симон, умерло и похоронено более века назад, попыталось в лице Карла X и Полиньяка оказать сопротивление во Франции в 1830, когда Сен-Симон уже умер, а в Германии и в России сопротивлялось еще несколько десятилетий назад; в то время как метафизическая догма народного суверенитета еще не проявила себя фактом всеобщего голосования, которое было проведено впервые во Франции и, тем самым, и в Европе, только в 1848 г.¹¹ Правда, верно то, что во всех странах, принявших ее более или менее недавно, под ее эгидой до последнего времени сохраняется доминирование образованных и зажиточных классов, смягченное в большей или меньшей степени влиянием мелкой буржуазии и представителями интересов некоторых категорий пролетариата, что, по сути, очень похоже на правление индустриалов, ученых и артистов, которое Сен-Симон хотел видеть вызванным к жизни властью Людовика XVIII. Следовало бы также добавить, что демократические институты, возможно, еще смогут существовать, если с их помощью удастся поддержать определенный баланс между различными фракциями правящего класса, и если формальная демократия, влекомая своим худшим врагом – логикой своего развития и аппетитами низших классов и их лидеров, – не предпримет попытки стать реальной, смешивая тем самым политическое неравенство с экономическим и культурным.

III. На главную внутреннюю причину неудачной судьбы, которая до последнего времени была у концепции правящего класса, мы в общих чертах уже указали.

Доктрина есть нить, предназначенная – говорю не о непосвященных, а о тех, кто занимается изучением фактов определенного рода – для ориентации в лабиринте, которым эти факты представляются на первый взгляд, и постольку она будет практически полезной только тогда, когда послужит их легкому и простому пониманию и анализу; но в нашем, равно как и в других подобных случаях, люди очень часто довольствуются видимостью больше, чем сущностью. Старые классификации форм политического строя Аристотеля, разделившего их на монархии, аристократии и демократии, и Монтескье, который выделил деспотии, монархии и республики, достаточно хорошо послужили указанной цели. Каждый, следуя Стагириту или автору «Духа законов», мог легко определить тип, к которому принадлежал политический строй его собственной страны или соседних стран, равно как и отдаленных, и, установив его, полагать, что обладает способностью, применяя предписания избранного авторитета и его последователей, обнаруживать достоинства, недостатки и подводные камни политического строя и отвечать на сделанные ему возражения.

¹⁰ См. «D'oeuvres de Saint-Simon et d'Anfanten» («Труды Сен-Симона и Анфантена»), XXI, р. 211. Будет полезно вспомнить, что, по Сен-Симону, господство легистов и метафизиков представляло собой переход от господства священников и военных к господству ученых и индустриалов. Более того, он полагал, что легисты и метафизики, были способны разрушить старый мир, но показали себя неспособными к построению нового.

¹¹ Мы не рассматриваем период с 1792 по 1798 год, когда демократия трансформировалась в военную диктатуру. [Примечание к третьему изданию].

Впрочем, само по себе утверждение, что при всех формах правления власть в действительности принадлежит правящему меньшинству, только упраздняет прежние взгляды, не создавая новых; это является констатацией истины общего характера, что не помогает осуществить исследование политических событий прошлого и настоящего, равно как и само по себе не объясняет, почему одни политические организмы сильны, а другие слабы, и не указывает на способы и пути, с помощью которых можно было бы избежать упадка и исправить возможные недостатки этих организмов. Малоэффективно просто ставить в заслугу правящему классу процветание общества или возлагать на него ответственность за политический распад общества, если не известно разнообразие типов, в соответствии с которым формируются и организуются политические классы, потому что именно в этом разнообразии необходимо искать секрет силы и слабости правящих классов.

Поэтому синтетическое и общее утверждение необходимо дополнить аналитическим исследованием, терпеливо изучая постоянное и переменное в характерах различных правящих классов, к чему добавляется необходимость изучения причин их консолидации и распада в прошлом, что почти всегда было неизвестно современникам. Речь идет, по сути, о том, чтобы использовать процедуры, уже применявшиеся в естественных науках, в которых тот огромный объем знаний, ставший ныне неприкосновенным богатством человеческого ума, был обязан собой удачным интуитивным находкам, отчасти подтвержденным, отчасти модифицированным, но всегда развиваемым с помощью экспериментов и последовательно накапливаемого опыта. И если указывают на трудности, связанные с тем, что почти невозможно произвести эксперимент, связанный с социальными фактами, то следовало бы возразить, что история, статистика и политическая экономия уже накопили сокровище опыта, которое вполне достаточно для того, чтобы приступить к указанному исследованию.

До сих пор историки, следуя преобладающим у публики представлениям, исходили, прежде всего, из очевидных деяний глав государств, то есть тех, кто находится на вершине политической пирамиды, и изредка рассматривали также и заслуги самых нижних слоев пирамиды, массы тех, кто своим потом, а зачастую и кровью предоставлял первым материальные средства, необходимые для их целей. Для того, чтобы утвердить новое видение значения правящего класса, необходимо, не отрицая прочную кооперацию верхов и низов пирамиды, показать, что без деятельности промежуточных слоев ни те, ни другие не смогли бы сделать почти ничего важного и долговечного; потому что от способа, с помощью которого сформировались и функционируют эти промежуточные слои, напрямую зависит тип, к которому относится политический организм, и эффективность его деятельности. И, если это будет продемонстрировано, то станет очевидным, что деятельность глав государств может сама по себе оставить длительный след, в общем, только тогда, когда она соответствует реформам, исходящим от правящих классов и что основная заслуга народных классов всегда состояла в присущей им способности выдвинуть из своей толщи новые элементы, способные хорошо руководить ими.

По указанным соображениям мы намерены продолжить и развивать аналитическое исследование политического класса. Естественно, мы не откажемся от использования наблюдений, сделанных в первой части этого и в других наших трудах, дополняя их новыми и объединяя их, не будем пренебрегать и выгодой, которая будет связана с учетом того, что уже написали по этому поводу другие авторы.

Была бы детской надежда исчерпать этот предмет, так как речь идет о производстве, для которого будет недостаточным труд целого поколения мыслителей. Это то же самое, как если бы мы нашли себя в окружении целой горной цепи, посреди которой человечество, если хочет приобрести ясное осознание законов, которые до сих пор почти всегда бессознательно руководили его политическими действиями, должно проложить для смелых дорогу, которая поднимется на недоступные вершины и обойдет бездонные пропасти. Мы надеемся завершить первую часть этого труда и будем удовлетворены, если сможем проложить тропинки, которые помогут инженерам хорошенько изучить то направление, по которому эта дорога должна будет последовать, и подготовить проект той работы, которая будет необходима в силу ее природы.

Перевод А.Б. Рахманова¹²

---

¹² **Рахманов Азат Борисович** – кандидат философских наук, научный сотрудник социологического факультета МГУ им. Ломоносова.